

Холодный голос Чжоу Ли прервал воспоминания Янь Цзиня:

— О чём задумался?

Янь Цзинь молча покачал головой.

Свет ламп подчеркивал худобу его плеч, лопатки пугающе выступали, а на тыльной стороне ладоней отчетливо проступали синие вены. Бледная кожа казалась почти прозрачной на фоне черного мрамора столешницы. Когда он мотал головой, пряди волос слегка колыхались, касаясь ключиц и шеи, отчего у Чжоу Ли в груди возникло странное, зудящее чувство.

— Я... схожу вниз за фруктами.

— Не нужно, — сухо бросил Чжоу Ли.

Его взгляд неотрывно следовал за Янь Цзинем — он не спускал с него глаз с того самого момента, как тот вошел в комнату. Да что там, он начал следить за ним еще раньше, с того дня, как увидел его на выставке.

Тогда Янь Цзинь не казался таким истощенным. Сейчас же, утопая в домашней одежде, с пустыми рукавами, он выглядел настолько хрупким, что Чжоу Ли стало больно на него смотреть. Болезненный, изможденный — сколько лет прошло с тех пор, как он покинул его дом, чтобы превратиться в такое подобие себя?

Янь Цзиню не было нужды так надрываться. Пока он рядом с ним, никто не посмеет его обидеть. Пусть последние два года Чжоу Ли почти не занимался делами семьи Чжоу, это ничего не меняло: клан принадлежал ему, и никто не мог этого оспорить.

Почему Янь Цзинь не попросит о помощи? Чжоу Ли искренне не понимал: бета, который не ищет защиты у своего альфы — разве не глупо?

— Я же говорил: если что-то нужно, обращай ко мне, — Чжоу Ли ловко щелкнул крышкой портсигара и вытянул сигарету. Он крутил её в пальцах, пытаясь унять внезапное волнение. — Но ты словно не слышишь.

Янь Цзинь опустил взгляд на его пальцы, размышляя, почему Чжоу Ли не прикуривает — может, под рукой нет зажигалки?

— Я схожу вниз... — Янь Цзинь поднялся, пытаясь сбежать.

— Я разве разрешил? — Чжоу Ли выудил зажигалку из корзинки с мелочами на барной стойке.

Сизый дым потянулся вверх. Янь Цзинь стоял у обеденного стола, опустив глаза, и хранил молчание.

— Янь Цзинь, кем ты меня считаешь? — Чжоу Ли выпустил струю дыма. — Или кем считаешь себя?

Одна сигарета догорела, он тут же прикурил вторую. Долгое молчание тянулось между ними. Янь Цзинь смотрел себе под ноги, делая вид, что не чувствует на себе тяжелого взгляда. Прошло еще столько времени, сколько нужно, чтобы выкурить сигарету. Наконец, не выдержав напряжения, Янь Цзинь, скованный и бледный, произнес:

— Я бета, господин.

Если и была фраза, способная мгновенно взорвать самообладание Чжоу Ли, то это была именно она.

— Я бета, господин.

Чжоу Ли ненавидел эти слова. Ну и что, что он бета? Даже если он бета, он — тот самый бета, который вырос рядом с ним.

— И что с того, что ты бета? — парировал Чжоу Ли. — Кто-то тебя принуждает? Даже если ты недостаточно хорош, семья Чжоу не сделает тебе ничего плохого, если ты просто...

Чжоу Ли запнулся.

Если ты будешь послушно держаться рядом со мной.

Янь Цзинь мысленно закончил его фразу.

Чжоу Ли, вероятно, всегда так думал. Поэтому, даже спустя семь лет после того, как Янь Цзинь покинул дом, он подсознательно произнес эти слова.

На самом деле, Чжоу Ли просто не повезло, а самому Янь Цзиню — наоборот. Если бы тогда Шу Юнь высказался хотя бы на полгода позже — когда феромоны Чжоу Ли окончательно стабилизировались, когда он начал вникать в семейные дела, а Янь Цзинь официально стал его помощником — всё сложилось бы иначе.

Янь Цзинь вполне мог бы занять свое место в семье Чжоу благодаря собственным способностям. Даже не будучи омегой, он остался бы незаменимым помощником, частью этого мира. Всего полгода.

К тому же, если бы он не был так талантлив, возможно, его бы просто оставили в покое. Семья Чжоу могла позволить себе содержать лишнего неприметного бету, чтобы тот развлекал Чжоу Ли, но содержать того, кто имеет на него такое влияние, кто способен менять его настроение и при этом во всем добивается совершенства — это уже была большая проблема.

Беты не подвержены влиянию феромонов, и семья Чжоу не знала, стоит ли доверять Янь Цзиню.

Видя, что Янь Цзинь снова молчит, Чжоу Ли не смог скрыть гнев:

— Мне нужно разжевать всё до мелочей? Янь Цзинь, ты ведь всё понимаешь. К чему этот притворство перед моими глазами?

— Ну бета ты, и что? Кто-то в семье Чжоу проявил к тебе неуважение? Или в университете кто-то обидел? К тебе относятся с тем же почтением, что и к дяде Цинь. Зачем ты постоянно твердишь: я бета, я бета?

— Ты называешь себя бетой, но разве ты ведешь себя как бета? Кто еще из них работает до изнеможения, как ты? Семья Чжоу не смогла тебя удержать, Мо Син не смог тебя остановить, так ты еще и в Южный военный округ подался...

Дядя Цинь был старым дворецким, который попал в семью Чжоу еще ребенком, почти как Янь Цзинь. Раньше его фамилия была Цинь, но после некоторых событий он стал зваться Чжоу Цинь. Мало кто знал, что Цинь — это его настоящая фамилия, а уважительное обращение было лишь способом отделить его от членов семьи.

Янь Цзинь на мгновение прикрыл глаза, а затем, глядя на тень Чжоу Ли, ответил невпопад:

— Меня никто не обижал. Это была просто обычная работа, которую мне поручили.

Чжоу Ли долго и пристально изучал его, а потом тихо рассмеялся.

Двенадцать лет они были неразлучны. Чжоу Ли знал его лучше всех в доме, но даже спустя столько лет он не мог до конца понять характер Янь Цзиня. Станный бета: нелюдимый, покорный, но при этом обладающий неуместным чувством собственного достоинства и отчужденностью.

Он всегда держал голову опущенной, но спина его оставалась прямой. Казалось, он не умел кланяться, и даже будучи на чужом попечении, упрямо хранил свою гордость.

Слова гордость и отчужденность казались странными для слуги, но в случае с Янь Цзинем они подходили идеально.

<http://bllate.org/book/20838/2100078>